

Содержание

<i>Введение</i>	7
1. Продолжайте	11
2. Начните	29
3. Испытание 10 000 часов	45
4. Грация и благодать	69
5. Найдите правильную позицию	91
6. Искусство скольжения	105
7. Хватит думать	117
8. Попадать не целясь	149
9. Тайные законы внимания	177
10. Сила грез	215
<i>Заключение</i>	241
<i>Примечания</i>	245
<i>Библиография</i>	247
<i>Благодарности</i>	249

Введение

Эта книга родилась в результате беседы с моим редактором Эльзой Лафон. Вернее, с моей приятельницей Эльзой Лафон, поскольку в тот момент мы не работали, а ужинали. Никакие профессиональные темы мы не обсуждали — то есть не пытались наметить очертания проекта или обсудить условия контракта. Это был разговор ради разговора за самым обычным семейным ужином и бутылочкой хорошего вина. К слову, я даже не могу вспомнить, о чем мы говорили. Может, о детях, которые носились по дому, хотя им пора было спать. Знали бы вы, как мы измучились, призывая их к порядку, причем безрезультатно... Потом мы решили, что, пожалуй, лучше всего оставить детей в покое и дожидаться, пока они набегаются и устанут, — все равно рано или поздно это произойдет. В конце концов, вечер был в некоторой мере особенный — на следующий день начинались школьные каникулы. Что может быть приятнее для ребенка, чем заснуть на диване под разговоры взрослых? Лечь спать поздно — лечь счастливым. Так и рождаются теплые воспоминания... «Ты абсолютно прав, — сказала Эльза. — Зачем лишний раз напрягаться? Давай еще по бокальчику».

Вскоре дети заснули — без каких-либо усилий с нашей стороны. Мы даже не сразу это заметили. «Ну вот, легче легкого», — улыбнулась Эльза. Видимо, в тот момент мы и заговорили на эту тему. Легкость — удивительный предмет. Нам вечно кажется, будто для достижения сколько-нибудь ощутимых результатов нужно прикладывать невероятные усилия. Нужно страдать ради красоты и усердно трудиться ради всего на свете — чтобы соблазнить женщину (или мужчину), научиться играть на пианино или в теннис, заговорить на иностранном языке. Даже психологи говорят о «работе над собой» — ведь нас с детства учат, что за все нужно платить: «без труда не выловишь и рыбку из пруда», ничего не дается просто так.

Но я уверен в обратном. В некоторых случаях усилия не только бесполезны, но и вредны. К примеру, еще никто не стал красивее от страданий. (Если, конечно, человек не получает от них удовольствие.) Красота — это скорее умиротворение, спокойствие и гармония с собой. Нет-нет, я не говорю, что вообще не нужно прилагать усилия — никогда и ни к чему. Просто есть цели, которых можно достичь лишь окольными путями. Оставив любые попытки без какой бы то ни было задней мысли. Перестав стремиться. Другими словами, действуя *легко*. Возьмем, например, обольщение. Что может быть менее соблазнительным, чем человек, который изо всех сил пытается вас соблазнить? Это чересчур прямолинейно: не остается места ни воображению, ни непринужденности. Любая попытка обречена на провал. Строго говоря, соблазнитель проиграл еще до того, как начал

действовать. Все очевидно: человек, который пытается понравиться, становится неловким — а это как раз то, чего хочется избежать. Но верно и обратное: что может быть соблазнительнее, чем тот, кто не разыгрывает спектакль, а просто рад находиться рядом с вами и вести себя естественно? Соблазнение — искусство добиваться успеха без усилий. Все дело в шарме. Результат в этом случае тоже известен заранее — и мы это понимаем. Искра между двумя людьми или вспыхнет, или нет. Так зачем же стесняться или терять дар речи рядом с объектом своих желаний? Это ведь не цель, которой нужно добиться, и не вершина, которую нужно покорить.

Давайте рассмотрим другой пример: приготовление пищи. Представьте, что за увлекательным разговором с подругой вы забыли выключить газ под шкварчащей сковородкой. Что ж, теперь лук вкусно карамелизуется. К мытью посуды это тоже относится: если что-то пригорело, многострадальную сковородку проще замочить, чем яростно оттирать. Повторюся: я не говорю, что *никогда* не нужно яростно оттирать запачканную посуду. Просто важно знать, когда это бесполезно или бессмысленно. Позволить времени сделать часть работы не означает сидеть сложа руки. Это означает действовать эффективно.

Мне нравятся «аэропортные» книги — те, которые покупаешь прямо перед вылетом и почитываешь, то и дело глядя в иллюминатор. Такие книги не завладевают вниманием полностью, но незаметно меняют и наше поведение, и наш взгляд на окружающий мир. Не совсем философия, не совсем публицистика, не совсем «литература саморазвития». Это скорее журналистика

идей — а-ля Малкольм Гладуэлл*, который проявляет интерес к какой-то концепции, изучает, как она меняет нашу с вами жизнь, и пишет об этом статью или книгу. Если бы я решил опубликовать «аэропортную» книгу, то посвятил бы ее легкости...

И тут Эльза поставила бокал на стол: «Отлично, и когда же мы публикуемся?»

В тот вечер и родилась эта книга: за дружеским ужином, в ходе беседы, которая, казалось бы, ни к чему не вела. Она появилась на свет в той же манере, которой и посвящена: с легкостью. Не было какого-то специального «проекта», усилий, договоренностей о намерениях, переговоров; никто никого ни в чем не убеждал. Все было очевидно. Это книга, которую вы сейчас держите в руках. Надеюсь, она справится со своей задачей так же, как и была написана: без усилий. Хочу, чтобы вы почувствовали исходящий от нее дух легкости и живости — такой же, как у разговора, который вдохновил на ее создание.

* Малкольм Гладуэлл (р. 1963) — англо-канадский журналист, поп-социолог. С 1987 по 1996 г. работал журналистом в *The Washington Post*, возглавлял нью-йоркское бюро газеты. С 1996 г. является штатным автором культового журнала *The New Yorker*. Приобрел известность благодаря своим книгам «Что видела собака» (М.: Альпина Паблишер, 2022), «Переломный момент» (М.: Альпина Паблишер, 2023), «Сила мгновенных решений» (М.: Альпина Паблишер, 2023), «Гении и аутсайдеры» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023).

Продолжайте

*Такое чувство,
будто ничего еще не началось.*

АЛЬБЕРТО ДЖАКОМЕТТИ

Самое сложное — начать. С какой стороны подойти? В каком порядке делать? Таких вопросов не возникает, когда вы общаетесь с кем-нибудь за бокалом вина. Вы просто говорите то, что хотите сказать, и совсем не думаете о последовательности. Разговор течет сам собой, и его просто нужно поддерживать. Но с писательством все по-другому: как только приступаешь, появляются сложности. Скажу откровенно: я переписывал начало книги бесчисленное число раз — даже не помню сколько. Зачеркивал и начинал заново. Всем известен миф о певце и музыканте Орфее, который отправился в подземное царство спасать жену Эвридику. Я, подобно Орфею, тоже оглядывался назад — теряя все, что мне удалось выхватить из небытия. Однако в случае с Орфеем Аид, бог подземного царства, был предельно честен: «Орфей, раз уж ты так прекрасно играешь на флейте, я сделаю единственное исключе-

ние и позволю тебе вернуть жену из царства мертвых. Но при одном условии — ты не должен оборачиваться и смотреть на нее, пока вы не выйдете на свет. Ни разу. Согласен?» Яснее ясного. Никакого текста мелким шрифтом в контракте. Все обговорено, пусть условие и кажется немного странным. Почему, спрашивается, Орфею нельзя смотреть на жену? Это правило так и тянет нарушить, правда? Однако греческие мифы — это не просто рассказы: они пронизаны мудростью, но в доступной форме. И в этом случае совет очевиден: если хочешь добиться цели, не думай ни о чем другом. Иди вперед и не оглядывайся.

Почему? Вы и сами знаете ответ. Потому что иначе закрадываются сомнения и вы спотыкаетесь, теряете темп. Перестаете действовать и доверять чутью, погружаясь в размышления. Засомневались — проиграли. Это касается и робкого влюбленного, и канатоходца над землей, и официанта с подносом. Канатоходец всегда смотрит прямо вперед — не вниз, не вбок, не вверх. Он будто цепляется взглядом за невидимую нить, которая его поддерживает. Официант рискует куда меньше, но тоже вынужден держать равновесие, пока идет вперед с подносом, заставленным хрупкой посудой и напитками, которые вот-вот прольются, и расчищает себе путь, то и дело покрикивая: «Разрешите!» Должно быть, Моисей так же переходил через Красное море. Смелым судьба помогает. Не оглядывайтесь, продолжайте идти вперед.

Сегодня я приступаю к работе. Я долго (слишком долго) готовился и теперь отправляюсь в путь, не собираясь оглядываться. Зачем я это делаю? Чтобы проверить, получится ли. Надеяться, что эта книга напишет себя сама, было бы слишком, но она может родиться благодаря методу, который сама же и проповедует. Доказать своим собственным примером, что изложенные в ней советы дельные. Откуда они взялись? Я не выдумал их из головы, уверяю вас. Но я проверил каждый из них на себе. Все эти советы я почерпнул из встреч с людьми и чтения книг. Я применяю их в быту так часто, что даже не замечаю этого. Они заимствованы у философов, художников и спортсменов — а зачастую и у вымышленных персонажей. Я опирался и на тех, кто склонен действовать, и на тех, кто любит поразмышлять (иногда оба качества сочетались в одном человеке). Декарт, Монтень, Бергсон, Башляр, Паскаль, Сирано де Бержерак, Роден, Жерар Депардьё, Наполеон, Янник Ноа, Зинедин Зидан, Стендаль, Франсуаза Саган, философ Ален (Эмиль-Огюст Шартье), шеф-повар Ален Пассар, канатоходец Филипп Пети, психоаналитик Франсуа Рустан, ныряльщик Жак Майоль, пианистка Элен Гримо — вот неполный список имен. Вы познакомитесь с ними по ходу чтения. Словом, я жал на все педали.

А педали эти, как вы могли заметить, от французского велосипеда. И это не случайно. Разумеется, я и сам француз, поэтому отталкиваюсь от того, что знаю, в надежде от частного перейти к общему. Франция,

конечно, не присвоила себе понятие, о котором пойдет речь в этой книге, но есть и типично французское представление о легкости. Мы с вами тщательно исследуем это представление, а я буду стараться не угодить в ловушку интеллектуального национализма. Быть французом — значит чувствовать лингвистическую и духовную связь с местом, а не с нацией; это вопрос почвы, а не крови. Идею можно считать французской лишь в том случае, если она универсальна. Французский взгляд на жизнь доступен каждому и принадлежит всем: в этом его сила, красота и величие. По выражению поэта и драматурга Шарля Пегги, Декарт был «французским кавалеристом, который задавал темп в истории мысли». Возможно, это действительно так, однако Декарт — в отличие от Пегги, который служил и погиб в Первой мировой в звании лейтенанта, — стал солдатом не из-за патриотизма, а из-за желания путешествовать и увидеть мир. Пегги намекал, что стиль и идеи Декарта были безусловно — и исключительно — французскими, однако его метод, который делал мышление таким же простым, как и само существование, на самом деле не принадлежит никому. Утверждение «я мыслю, следовательно, я существую» очевидно и универсально. Именно поэтому немецкий философ Гегель имел полное право сказать, что Декарт — герой всей современной философии, а не только французской. Идеи принадлежат тем, кто их понимает, а методы — тем, кто ими пользуется.

Когда мы говорим «Франция», то сама Франция для нас — не более чем идея (*une certaine idee*), которая существует в общественном сознании в концентрированной

форме: «Париж». Он же, в свою очередь, представляет собой международный символ самых разных свобод, мечту мыслителей и художников. О таком Париже рассказывает Эльза Триоле, муза Луи Арагона, в работе под чарующим названием «Незванные гости»* (Le Rendez-vous des étrangers). Это Париж, где Пикассо из Испании, Шагал из России и Джакометти из Швейцарии чувствовали себя как дома и не без причин:

Люди с Монпарнаса образовывали своего рода Иностранный легион, но у них на совести не было другого преступления, кроме того, что они находились вдали от своей родины, родни, порвали со своей средой. <...> Париж предоставил нам этот уголок. <...> Эта среда, состоявшая из людей, находившихся вне какой бы то ни было среды, была такой же принадлежностью Парижа, как собор Парижской Богоматери и Эйфелева башня. Когда из кучки этих людей фейерверком взвивался гений, то слава его озаряла не какое-нибудь другое, а именно парижское небо.

Когда молодой китайский живописец Чжао Уцзи впервые приехал в Париж в 1948 г., он знал лишь одно-единственное французское слово, одно-единственное заклинание, сродни «Сезам, откройся». Он сказал таксисту: «Монпарнас». Он имел в виду не железнодорожную станцию, а загадочное и легендарное место, предмет грез всех начинающих художников. Там Уцзи и провел

* Эльза Триоле. Незванные гости / Пер. Т. Иванова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

остаток своих дней — в студии по соседству с мастерской Джакометти. Китаец по происхождению, но француз по натуре.

Вы уже поняли, к чему я веду: вовсе не обязательно родиться во Франции, чтобы почувствовать влечение к французскому образу жизни. Но что же он собой представляет? Если попытаться дать ему слишком точное описание, то мы упустим его неотъемлемое качество — способность сохранять загадочность и, следовательно, привлекательность. В XVIII в., в эпоху Людовика XIV, или Людовика Великого, выдающиеся мыслители определяли хороший вкус аристократическими фразами *je ne sais quoi* (буквально «то, не знаю что», неуловимое нечто) или *presque rien* (почти ничего), которые указывали на разницу между шедевром и всем остальным. Успех связывали не с тем, сколько в него было вложено труда, а, напротив, с отсутствием видимых усилий: с естественностью и кажущейся легкостью, с которой художник достигал своих целей. Безусловно, художник трудится, но он, как талантливый фокусник или человек с хорошими манерами, не должен этого показывать. Получается, французское искусство легкости и непринужденности, где порицается тяжелый труд, восходит к *Grand Siècle* — XVIII в., или Великому веку, — и его духу королевского двора. Буржуазное общество, порожденное революцией, по понятным причинам придерживалось противоположного подхода, яростно отстаивая ценность труда и равенство. Чтобы обратить на себя внимание, человек должен был это заслужить, а не просто родиться в нужной семье. Так что за работу, граждане! Любопытно, что пред-

ставление о легкости, в высшей степени «королевское», сохранилось. Будто революция не уничтожила королевскую власть, а распространила ее на всех, превратив каждого гражданина в монарха. «Король умер, да здравствую я!» Возможно, именно этим объясняется то, что французы недисциплинированны, капризны и так любят пожаловаться: в каждом есть королевская жилка, из-за чего человек заботится лишь о своем удовольствии. Добавьте к этому любовь к изысканной еде, острое чувство личной свободы, вкус к красоте и желание всегда быть правым. Так получается приблизительная и в то же время точная формула *je ne sais quoi*, которая придает французской душе неповторимый оттенок. Это смесь благородного высокомерия и обычной наглости, серьезности в легкомысленном и легкомысленности в серьезном. Одним словом, стремление к непринужденности, равнозначное элегантности и наслаждению. В крайней степени такая непринужденность принимает форму «тщательной небрежности»: на ее подготовку ушли часы, однако человек ведет себя так, будто только-только встал с постели. Это намеренная «взлохмаченность»: я только что от парикмахера, но никто не должен об этом догадываться. Я провела у зеркала несколько часов, чтобы выглядеть естественно и непринужденно. Я работал над этой страницей пару месяцев, но вам должно казаться, будто я написал ее за пять секунд. Истинное изящество всегда смотрится абсолютно естественно. Важно понимать: добиться непринужденности — целое искусство. Возможно, даже вершина искусства. В мире нет ничего сложнее. За исключением, пожалуй, одного — еще более

тонкого и более трудного: не довольствоваться видимостью непринужденности, а ощущать ее внутри, жить ею. Она должна присутствовать не в виде вспышек, кратких моментов благодати, а постоянно и неотъемлемо. «Удовольствие — это легко, но нужно научиться быть счастливым», — говорил Гастон Башляр. Перейти от удовольствия к счастью — задача сложная. Башляр преподавал в Сорбонне: его отличали длинная белая борода, делавшая его похожим на Мерлина, лукавый взгляд и огромная тяга к творчеству, дружбе и поэзии (это были его личные ингредиенты рецепта счастья). В этой книге я познакомлю вас с методом Башляра — и методами других людей, поскольку не существует единого пути к счастью. Некоторые из них пересекаются. Я надеюсь, посягнув на ваше время, указать вам на те пути, которые, на мой взгляд, заслуживают внимания — во всех смыслах этого слова.

* * *

Я начал эту главу с утверждения, что приступить к делу — самое сложное. Забавно, но это вдвойне справедливо для книги о легкости и непринужденности. Любой автор оттягивает начало, долго готовится, ждет вдохновения. Но полная и глубокая готовность недосяжима. Дело не в недостатке мужества или силы воли. Просто это так устроено. Иначе и быть не может. Человек должен быть богом, который может начать — и из ничего сотворить все, опираясь на свой внутренний мир. Не стоит расстраиваться из-за творческого кризиса, пресловутого страха чистого листа или колебаний —

посвящать ли себя делу целиком и полностью. Начать просто невозможно. А уж закончить... Вот, например, скульптор Альберто Джакометти: он вообще ничего не мог завершить. Приходилось буквально врываться к нему в мастерскую, выхватывать у него скульптуры и отправлять их в литейную мастерскую перед выставкой. Когда его спрашивали, почему так получается, он спокойно объяснял: невозможно закончить то, что не начато. «Если я создаю скульптуру, то лишь затем, чтобы покончить с ней, причем как можно быстрее», — говорил Джакометти. «Но вы же все равно приступаете к следующей», — возражали ему. Джакометти пожимал плечами: «Ну да. Но мне никогда не удастся по-настоящему начать». (Очень логично, наверняка думал собеседник.) «Ни разу еще не начал... Но если бы у меня получилось, то, наверное, все почти сразу бы и закончилось»¹. Похоже, одинаково невозможно и начать, и закончить. Но есть способ с этим справиться — ведь Джакометти творил, и его работы существуют... даже если сам он так не думал: «Может, работа — это лишь прикрытия для одержимости, одной из многих, присущих людям, когда приятно просто возиться с глиной и не особенно рассчитывать на успех».

Волшебное решение действительно есть. Оно невероятно простое, рассказать о нем можно в двух главах — и даже в двух словах. Если я поделюсь этим решением прямо сейчас, то вы можете закрывать книгу и сразу проверять метод на практике — чтобы не тратить время понапрасну. А я в любом случае продолжу писать — из уважения к всеобщему представлению о писательском

ремесле. Но, пожалуйста, не стесняйтесь и не тревожьтесь: смело оставляйте меня одного и отправляйтесь пожинать плоды новообретенного знания как можно скорее.

Никогда в жизни я не читал и не слышал ничего полезнее. Совет умещается в две строки из книги философа Алена (он же Эмиль-Огюст Шартье: преподаватель, писатель, воин). Что ж, хватит нагнетать. Вот эти строки: «Все учение о действии можно уместить в две главы — каждая из одного слова. Глава первая: продолжайте. Глава вторая: начните. Большинству из вас порядок покажется странным, но в этом-то вся суть». Два слова: продолжайте, начните. Именно в этом порядке. Вот главная идея. Важнее продолжать, а не начинать. Спасибо. Приятно было с вами познакомиться. До свидания. Всего хорошего.

* * *

Обращаюсь к тем, кто решил задержаться и узнать побольше: должен вам кое в чем признаться. Первое, что я прочитал у Алена, — книжка «Мысли о счастье» (Propos sur le bonheur). Я взял ее в муниципальной библиотеке городка Йер-ле-Пальмье летом перед выпускным классом. Как и положено в этом нервном и склонном к драматизации возрасте, я надеялся, что найду там некую заумь и грандиозные идеи, но меня ждало разочарование. Текст состоял из банальностей и «жизненных советов», конкретных примеров было немного. Лишь через несколько лет мне удалось пересмотреть свое предвзятое отношение и по достоинству оценить меткость Алена. Некоторые считали, будто он пишет

слишком уж гладко, а гладкость не может быть глубокой. «Усилия, направленные на достижение счастья, никогда не бывают напрасными». Чтобы по достоинству оценить такое изречение, нужно набраться жизненного опыта, согласиться. Счастье — это просто, оно на расстоянии вытянутой руки, говорит нам Ален. Идея отнюдь не очевидная: нам-то кажется, что все как раз наоборот. Мы-то знаем, что в жизни ничего не дается легко. Разве мы не мечтаем о легкости именно потому, что она недостижима? Когда мы ощущаем беспомощность, бессмысленность всего на свете, собственную бездарность? Когда у нас нет сил на принятие необходимых решений? Когда заканчиваются варианты этих решений? Или — в самом общем случае — когда мы не понимаем, что дальше делать со своей жизнью? Жить и действовать проще, чем кажется. И это вам говорит человек, который любит работать. Ален не дилетант и не бездельник. Он — человек действия, просто настроен философски. Он не советует отказываться от усилий — он объясняет, на что их направить, к чему приложить. Идея довольно простая: «Все уже началось, остается только продолжать. Определитесь, где вы находитесь и куда собираетесь двигаться. Все решения по поводу будущего — в вашей голове. Продолжайте делать то, что делаете, — с каждым разом лучше и лучше».

Когда мы живем, мы захвачены опытом и вовлечены во взаимодействие с миром. Мы уже постоянно находимся в действии. Поэтому начинать не требуется: достаточно просто продолжать. Не нужно принимать серьезных решений. Ален иллюстрирует свою мысль наиболее

близким ему примером — писательским ремеслом — и приводит слова Стендаля, который признавался, что потерял 10 лет жизни в ожидании вдохновения.

Даже в 1806 году я ждал идеального момента, чтобы сесть писать. <...> Если бы я рассуждал о своих писательских планах в 1795 году, какой-нибудь рассудительный человек мог сказать: «Пишите каждый день по часу или по два. И не обращайтесь внимания на вдохновение». Последуй я такому совету, десять лет жизни прошли бы лучше, чем в ожидании музыки.

Другими словами, если желаете научиться писать, содержание не имеет значения. Важен сам процесс. Чем больше вы пишете, тем лучше вы пишете. «Так я и уловил один из секретов писательского мастерства, — делится Ален. — Не зачеркивайте, не останавливайтесь: начатое предложение лучше несуществующего. Если фраза вышла неуклюжей и корявой, это станет для вас уроком»².

Жан Прево, писатель, участник французского движения Сопротивления и ученик Алена, тоже полагался на опыт Стендаля: «Писатель, который редактирует свой текст по ходу написания, сталкивается с трудностями после первого черновика. Того же, кто импровизирует, сложность поджидает до начала письма. <...> Нам не угнаться за Стендалем, когда тот берется за дело. Он всегда продолжает или возобновляет работу»³. Чтобы писать было легко, нужно постараться ни в коем случае не начинать писать. Стендаль с этой целью с удовольствием переписывал чужой текст, переводил, возвра-

щался к старым черновикам, странице в дневнике или описывал произведение искусства: словом, делал что угодно, лишь бы отложить начало: «Мой дух подлинный лентай, — говорил Стендаль. — Он и рад зацепиться за любое дело, что проще письма».

Чему мы можем поучиться у Стендаля? Не все хотят стать писателями. Но, как говорит Ален, не стоит отмахиваться от писательского искусства:

Это навык, который пригодится в любой профессии. Мы тратим слишком много времени на то, чтобы стереть написанное и начать сначала. Вычеркивание не уберезет вас от будущих вычеркиваний. На самом деле верно обратное: ведь у вас может войти в привычку писать так, как заблагорассудится, держа в голове, что всегда можно вернуться к написанному и все исправить. Черновики портят рукопись. Попробуйте другой подход: сохраняйте ошибки.

«Сохранять ошибки» — продолжать писать, а не возвращаться к предложению, чтобы его поправить. Например, оставить не самую удачную фразу — а следующую начать со слов: «Или, вернее сказать...» Продолжайте. Действуйте, не оглядываясь на сделанное. Может показаться, что писать и не исправлять — сложное упражнение, но вы попробуйте. Вы отказываете себе в праве на ошибку и боитесь, что вас буквально парализует невозможность вернуться и отредактировать предложение? Все наоборот: дело не в том, чтобы сразу писать идеально. Писательский труд — это не нанизывание друг на друга идеальных предложений. Писать — это

создавать следующее предложение, опираясь на несовершенство предыдущего (и смирившись с этим несовершенством). В необратимости, в окончательности есть какая-то свобода. Перестаньте осуждать себя за то, что сделали, ощутите свободу, которую дает движение вперед. И тогда правило «не оборачиваться» перестает быть угрозой Аида и становится самым прекрасным обещанием, какое только можно себе дать. Оно превращается в истинный дар: отказываясь от возможности вернуться и «все исправить», вы получаете возможность по-настоящему творить. Мы учимся писать, когда пишем, а не когда стираем. Это способ создать внутренний импульс: поскольку единственный вариант — идти вперед, мы неожиданно для себя чувствуем, что сдвинулись с места. Эту французскую манеру писать не зачеркивая, импровизировать и не оглядываться можно назвать поистине кавалерийской: она гонит предложение вперед, будто воображаемого резвого коня, и позволяет ему легко преодолевать любые преграды. Несовершенство перестает быть проблемой и становится точкой опоры. Попробуйте — просто для себя. Никому не показывайте результат. Пишите и не оглядывайтесь назад. Черным по белому, никаких стираний и зачеркиваний. Поделитесь со мной впечатлениями.

Если творческие порывы вам чужды, взгляните на писательство как на умственное упражнение. Заставьте себя, если потребуется. Ощувив вкус свободы, которую дарит отказ от перечитывания написанного, вы сможете привнести эту свободу и в другие сферы. Вся жизнь приобретет привкус импровизации, которая приносит счастье:

вы отбросите стремление к совершенству, связывающее по рукам и ногам, и перестанете терзаться из-за чувства, будто уже «слишком поздно». Мы осознаем, что можем все, поскольку настоящее действие — это продолжение, течение, поток, а не вечные попытки закончить дело и затем приступить к новому. Серьезные перемены часто происходят косвенно: пустяковые решения непрерывно накапливаются и накапливаются. Каждый день продолжайте делать то, что делаете, а не начинайте все заново. Тогда результат будет более впечатляющим и вместе с тем долговечным.

Не убирайте все фигуры с игровой доски. Удивите себя: продолжайте игру, а не бросайте ее. Ведь вы всегда сможете начать новую партию, как только эта закончится. А пока задумайтесь, какой ход вы можете сделать прямо сейчас (даже если он ничего не изменит), чтобы получить удовольствие от игры.

Главная ошибка — ждать и ничего не делать, держа ручку над бумагой или поставив жизнь на паузу. Терпение — это добродетель, но вечное ожидание (а особенно ожидание от себя слишком многого) бесплодно. Если не знаете, как выбраться из этой ямы, возьмите пример со Стендаля: позаимствуйте первое предложение — или действие — у кого-то еще и продолжите его. Такое продолжение позволяет двигаться за счет чужого импульса, а не своего собственного. В автоспорте есть понятие «слипстрим» — езда непосредственно за другим автомобилем в завихренной зоне с целью уменьшить лобовое сопротивление. В жизни, как и в писательском ремесле, сперва нужно влиться в чужой поток.

Мы осваиваем речь, подражая другим, а потом зубрим грамматику и изучаем стилистику. Шаг за шагом, даже не осознавая этого, мы создаем собственный слипстрим и начинаем писать на языке. Мы давим на газ и мчимся вперед. Скульптору нужна глыба мрамора, чтобы изваять статую (или отсечь лишнее, как учил Микеланджело). Он не может создать скульптуру из воздуха, из ничего, *ex nihilo*. Вероятно, когда Джакометти предавался тому, что сам называл одержимостью, и «просто возился с глиной» — бесцельно, ради удовольствия, — он еще не приступал к делу по-настоящему, но это не мешало ему продолжать. Он чувствовал, что не добивается того, к чему стремится, но зато работа его радовала. Прочтите отрывок из интервью, которое Джакометти дал талантливому документалисту Жану-Мари Дро на одной из выставок:

— Синьор Джакометти, когда мы в прошлый раз встречались с вами в Париже, вы создавали скульптуры. А здесь, в Цюрихе, вы напоминаете пастуха со стадом на выпасе. Скульптуры повсюду. Что вы чувствуете по этому поводу?

— Вчера я прогулялся по выставке, и мне показалось, что все выглядит прекрасно. По крайней мере, на какой-то миг показалось. Даже слишком прекрасно. Это меня несколько беспокоит.

— Почему же?

— Потому что это войдет в определенное противоречие с моими общими представлениями о мире, если я и дальше буду так же счастлив, как вчера. Значит,

Продолжайте

я или утратил способность критически мыслить, или пришел в ту точку, где мне уже нечего делать.

— Но все же впечатление такое, будто вся ваша жизнь собрана в одном зале.

— В некотором смысле да, но... Такое чувство, будто она еще не начиналась.

Начните

*Ключ к действию в том,
чтобы к нему приступить.*

АЛЕН

Первый шаг — легкий трепет влюбленных и кошмар канатоходца. «Я не смог бы сделать первый шаг, если бы не был уверен, что смогу сделать и последний; это очень похоже на веру в Бога». Чьи это слова? Филиппа Пети. Кто такой Филипп Пети? Вы не знаете? Значит, вы француз, ибо нет пророка в своем отечестве. Лучший способ познакомить вас с этим человеком — позволить вам прочувствовать то, что он делает. Давайте проведем небольшой эксперимент. В конце абзаца закройте глаза, сосчитайте до 10 и откройте. Начнем.

* * *

Вы открываете глаза — а вокруг только небо. Где-то в высоте вы краем глаза замечаете парящую птицу. Что это за оглушительный звук? Стук сердца. Ноги дрожат. Вы смотрите вниз. Под ногами головокругительная высота. Вы на самом краю пропасти. Вас тянет осмо-

треться, и вы нагибаетесь. Под вами 410 м — почти полкилометра. Это четыре футбольных поля от края до края, шесть соборов Парижской Богоматери, а Эйфелева башня ниже на 100 м. Взглядом вы упираетесь в землю. Ту самую землю, о которую вы при любом неосторожном движении... Откуда этот ветер? Это ветер ваших мыслей. Единственный ветер, который способен нарушить ваше равновесие. Вы поднимаете голову и смотрите прямо перед собой. Направление взгляда следует за канатом, по которому вы вот-вот пройдете. Этот канат, вернее, 60-метровый трос, вы и ваши помощники — Жан-Франсуа, Жан-Луи и Альберт — ночью тайно протянули на высоте 400 м над землей от одной башни до другой. Вы мечтали пройти между этими башнями и поклялись себе, что рано или поздно добьетесь своего. Скорее рано, чем поздно. Рано утром. Сегодня утром. На часах еще нет и семи. Сейчас 7 августа 1974 г. Далеко внизу — крошечные люди: одни уже проснулись и идут на работу, другие возвращаются с ночной смены, чтобы лечь спать. А вы здесь, в вышине и одиночестве, готовитесь ступить на трос. Нью-Йорк просыпается, но вы всю ночь не спали. Готовы? Можно ли вообще подготовиться к такому трюку? Вы собираетесь пересечь пропасть между башнями-близнецами нового Всемирного торгового центра. Несколько лет тренировок и сомнений — и вот ваш час наконец-то настал. Прямо сейчас вы Филипп Пети, но с первым шагом превратитесь в *канатоходца*.

Условия далеки от идеальных. На небе тучи. Может пойти дождь. Пожалуй, ветер чуть сильнее, чем хоте-

лось бы. Очень высоко. В книге «Трактат о хождении по канату» (*Traité du funambulisme*) Филипп Пети пишет: «Нельзя сомневаться. Или думать о земле. И то и другое глупо и опасно»⁴. Выдержит ли канат? Может, стоит отложить затею? Нет, конечно. Через минуту включают лифты, через две минуты первые рабочие поднимутся на крышу. А вскоре приедут и полицейские.

Вот и все, механизм пришел в движение. Ваш друг и помощник (вернее, сообщник) Жан-Франсуа, которого за помощь могут арестовать и посадить в тюрьму, смотрит на вас и передает балансир весом 25 кг, необходимый для перехода. Теперь отступить некуда.

Что ж... Аккуратно ступите на трос. Сначала опорной должна быть выпрямленная правая нога, которая все еще стоит на крыше Южной башни. А затем вес нужно перенести на другую ногу и сделать первый шаг по канату. Наступает момент принятия решения.

Первый шаг пугает. Первый шаг — точка невозврата. Вы вспоминаете, как впервые увидели башни-близнецы. Это было шесть лет назад: вы сидели в очереди к стоматологу и увидели фотографию в журнале. Вы вырвали страницу (хотя это вам должны были вырвать зуб) и удрали с найденным сокровищем. Башни еще не были построены, но вы могли их себе представить. Во второй раз вы увидели их уже не на фотографии, а вживую. Снизу, разумеется. Высоченные, внушительные. Фотография заставила вас мечтать, а реальность поразила. Каждая клеточка внутри вас безмолвно кричала на том языке, который вы понимаете лучше всех: это невозможно, невозможно. Даже теперь, потратив несколько

месяцев на подготовку, вы по-прежнему так считаете. Но именно поэтому вы затеяли то, что затеяли. Конечно, не как придется. Первый шаг должен быть верным — иначе он же окажется и последним. «Ошибка — приступить к делу без надежды, без гордости, потому что цель наверняка не будет достигнута», — скажете потом вы. Когда кости брошены на стол, пути назад нет. Все определено заранее — тем, как вы бросили кости, тем, как вы бросились в бой. Но при этом все зависит от надежды, которую вы питаете. От гордости. На самом деле гордость — это не чувство, а позиция: насколько прямо вы держитесь, насколько уверенно смотрите на мир. Не ощущение, а состояние. Состояние, которое избавляет от откровенного неудобства — задумываться. Если вы хотя бы на секунду задумаетесь, станет очевидно, что ваша идея безумна: рисковать жизнью ради того, чтобы пройти по канату, натянутому между двумя высочайшими небоскребами мира. Так и есть. Жизнь канатоходца всегда висит на волоске. Этот волосок — вера. «Я ступаю на канат с чувством уверенности». Откуда оно берется? Часы тренировок, тщательная подготовка, знание, как правильно напрячь икру, как поставить стопу... Но на самом деле оно берется ниоткуда. Уверенность канатоходца — это самоуверенность. Бессознательная или даже безумная. Вера без Бога. Чистая вера.

Разрешите мне кое-что добавить перед тем, как вы сделаете первый шаг. Отнеситесь к началу внимательно. Даже если первый шаг — не вопрос жизни и смерти, это всегда вопрос стиля.

Если поставить ступню целиком, шаг будет уверенным, но грузным. Если же скользнуть по канату пальцами, затем подошвой и, наконец, пяткой, то вы сможете насладиться дурманящей легкостью, потрясающей на такой высоте. И тогда люди скажут: «Он гуляет по канату!»

В этом вся суть: создать ощущение приятной прогулки — в небесах, на высоте в 110 этажей. Вы должны быть легким, как сон, как мечта. Чтобы воплотить мечту, нужно перенять ее легкость. Легкость, позаботься об этом первом шаге!

А если начало положено, достаточно просто продолжать. Камни, которые уже лежат в стене, определяют место для последующих. Чем выше стена, тем меньше пространства для сомнений и случайностей, тем больше вы связаны необходимостью. Но как же набраться смелости, чтобы начать? Положить первый камень в основание стены — задача нетрудная, но вот сделать первый шаг... Свобода кружит голову, а бесконечное число возможностей — это как падение: беззвездное небо, метафизическая пропасть, в которой нет ничего, кроме вопросов. Почему нужно делать то, а не это? Почему нужно выбрать этот путь, а не другой? Канатоходец хотя бы знает, куда идти. Прямо вперед. бо м по тросу. Он колеблется не по поводу направления, а по поводу первого шага. Каким он будет? Ведь потом выбора уже не останется. Разумеется, это касается не любого дела. Пример с канатоходцем — это просто крайний случай, метафора. Начало — в любой сфере — содержит

в себе семена успеха или неудачи. Недостаточно просто приступить к делу, необходимо сделать это уверенно. В верховой езде, беге, работе или любовных отношениях первый шаг определяет то, что за ним последует. Решительное начало многократно увеличивает вероятность успеха. Это сродни стрельбе из лука: стрела, пущенная легкой, недрогнувшей рукой, скорее попадет в яблочко. Ее полет завершен в то мгновение, когда она срывается с тетивы. Это не вопрос предопределенности: стрела никуда не летит, пока ее не пустили. Ничто не предрешено заранее, но точка, где окажется стрела, определяется в самом начале — за это отвечает стрелок, выбирая начальное движение, которое и гарантирует попадание в цель.

Как говорил Декарт, нерешительность — худшее из зол. Как ее избежать? Андре Жид, еще один почитатель Стендаля, как-то отметил в дневнике: «Великий секрет Стендаля, его огромная хитрость — писать сразу, без колебаний... Благодаря этому в его работах чувствовалось нечто неожиданное. Казалось, будто они получились с первого раза. <...> Стоит появиться сомнению — и мы теряемся». Глубокое замечание. Мы сомневаемся не из-за того, что растеряны: наоборот, мы можем растеряться из-за сомнений. Растеряться и потеряться — разные вещи: потеряться — это заблудиться и не понимать, где ты, а растеряться — это не понимать, куда двигаться дальше.

Неудивительно, что писатели восхищаются Стендалем. Все отдают себе отчет, насколько сложно начинать, а он просто бросает чернила на бумагу: без каких бы

то ни было сомнений, с места в карьер. Так же, как Наполеон шел в атаку. Или так же, как человек прыгает в воду, чтобы научиться плавать. То же можно сказать и про ходьбу: мы трогаемся с места, начинаем падать — и преобразуем падение в импульс, в движение вперед. Чтобы научиться ходить, нужно быть готовым упасть.

Все это, конечно, хорошо, но что, если человек вдруг потеряется, заблудится по-настоящему — например, останется без связи в глухом лесу, где нет указателей? Неужели и тогда он не будет сомневаться? Декарт в «Рассуждении о методе»* пишет о ситуации, когда разум человека не влияет на волю:

В этом я уподоблял себя путникам, заблудившимся в лесу: они не должны кружить или блуждать из стороны в сторону, ни тем паче оставаться на одном месте, но должны идти как можно прямее в одну сторону, не меняя направления по ничтожному поводу, хотя первоначально всего лишь случайность побудила их избрать именно это направление. Если они и не придут к своей цели, то все-таки выйдут куда-нибудь, где им, по всей вероятности, будет лучше, чем среди леса.

Вам кажется, будто непременно нужно действовать, но вы не понимаете, как именно? Лучше всего выбрать случайное направление и придерживаться его, чем ходить кругами или замереть на месте в бесконечных сомнениях.

* Рене Декарт. Рассуждение о методе / Пер. С. Шейнман-Топштейн. — СПб.: Азбука, 2018.

Если ничего не делать, то вы неизбежно проиграете. Сделать выбор, пусть даже случайный, — значит выйти из этого подвешенного состояния. Выбор — это путь. Декарт писал: «Моя вторая максима — быть настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это возможно, а также придерживаться мнения, в котором я сомневаюсь, но которое сформулировал, с такой же энергией, как если бы я был в нем абсолютно уверен». Странная рекомендация от философа-рационалиста. Неважно, говорит он, в чем состоит решение, лишь бы вы сами считали его правильным. Каким бы сомнительным ни было мнение, его истинность не имеет значения, если вы в ней убеждены. Как же великий мыслитель, заклятый враг предрассудков, может подталкивать к такому отречению от истины? Это возмутительно и абсурдно. Истинность мнения не может быть предписана. Сперва нужно не спеша рассмотреть его под разными углами, взвесить все за и против — и только потом вынести вердикт.

Это верно в области мысли. Но в области действия все обстоит иначе. На практике времени мало, друзья мои, солнце садится, собирается дождь, воды у нас нет, и нужно поднажать. Чаще всего вопрос не в действии, а в реакции: на обстоятельства, на события, на других людей. Если тратить время на разбор всех возможных вариантов, до дела так и не дойдет, будет слишком поздно. Поэтому Декарт и говорит, что лучше выбирать наугад, чем не выбирать вообще. Какое решение будет хорошим? То, которое вы приняли и которого придерживаетесь так, будто оно лучшее из возмож-

ных. В критический момент, когда надо действовать срочно, это всегда наиболее удачный вариант. Почему? Потому что. Как только решение принято, оно должно стать окончательным и бесповоротным. Все, пути назад нет — как нет и места сожалениям. Нельзя передумать на полпути. Настоящий враг действия — сомнение.

Получается, что в основе действия лежат не долгое размышление и тщательный выбор. С этой точки зрения начать — это значит закончить. Это значит подвести черту под колебаниями, сомнениями, подсчетами и просто приступить к делу. Не завтра, не потом: здесь и сейчас. Не дожидайтесь 1 января, чтобы дать себе новогоднее обещание. Ален замечает: «Решение ничего не значит, это лишь инструмент, которым ты должен воспользоваться. За ним следует мысль. Учтите, что мысль никоим образом не может направлять действие, которое еще не начато». Речь не о том, чтобы полностью отказаться от размышлений во время деятельности, а о том, чтобы размышлять *в рамках* деятельности и только в случае необходимости, то есть поставить мысль на службу действию. Мысль должна быть предельно легкой — не мешать, не путаться под ногами. Мысль, регулируемая действием, — это огромная сила. Если же ее сковывают сомнения, она становится бичом, проклятием.

Разумеется, было бы куда лучше иметь время и возможность тщательно взвесить каждый выбор — как у всезнающего, всемогущего и всеблагого Бога Лейбница, которого Вольтер высмеял в «Кандиде». Вернее, идею, будто «все связано цепью необходимости и устроено к лучшему» и Он просчитал все варианты,

прежде чем сотворить «лучший из миров». Но мы, люди, часто вынуждены действовать вслепую. Почему? Декарт дает понятное объяснение. Когда мы думаем о Боге — не о Боге верующих, не об объекте религиозного поклонения, а об идеальном гипотетическом существе, — в Нем все бесконечно: Его разум (способность мыслить), сила (способность действовать), воля (способность утверждать или отрицать, хотеть или не хотеть). Идеальное существо — всезнающее и всемогущее, наделенное бесконечной волей, — способно думать обо всем, творить что угодно, желать всего. А мы, жалкие смертные, наделены лишь ограниченным пониманием, ограниченной силой, но — и это своего рода чудо — обладаем, подобно Богу, бесконечной волей. Мы не способны осознать все и сразу, мы не способны сделать все, что пожелаем, — но способны желать чего угодно. Метафизически мы бессильны, но внутри у нас бесконечность. Именно поэтому мы все равно можем принимать решения и действовать, даже когда по своей природе не знаем будущего и не имеем возможности мысленно перебирать варианты развития событий. Ален, последователь Декарта, очень четко это формулирует: «Бессмысленно думать о том, что мы собираемся делать, пока до дела еще далеко. Это все равно что заниматься организацией картотеки до того, как в ней появятся первые карточки. Или мысленно проговаривать фразы до того, как они будут произнесены». Последний пример — самый показательный, он как фигуральная оплеуха. Мысль не должна быть началом всего. Люди, которые бесконечно продумывают действия, никогда

к ним не приступают. Давайте учиться у альпиниста, покорившего Гималаи: если просто смотреть на гору, никогда не поднимешься на вершину. «Я отправляюсь в путь именно потому, что хочу его найти», — скажет он.

Это одновременно и парадокс, и секрет всех людей действия: они приступают к делу неосознанно. Разумеется, у них есть некое смутное представление об этом деле, иначе у них не получилось бы начать. Но если бы они понимали все от и до, потребность в действии отпала бы. Они действуют не потому, что знают, а с тем, чтобы узнать. Такие люди сами становятся первыми зрителями своей жизни, будто наблюдая за ней со стороны, но оставаясь при этом у руля. Радость действия состоит в том, чтобы удивлять себя. В том, чтобы открывать и новые пути, доступные только благодаря действию (непривычный маршрут для альпиниста), и новое в себе (храбрость, страх и т. д.). Когда человек действует, он всегда первым удивляется результатам. Удивляется, но не опускает руки при неудаче. Напротив: если он обращает внимание на то, что с ним происходит, он может скорректировать курс — как моряк, который постоянно подстраивается под ветер и волны. Действие не подразумевает, что вы приняли серьезное и окончательное решение, чтобы руководствоваться только им. Действие — это цепь постоянных пустяковых решений, принимаемых в соответствии с тем, что мы знаем и чего не знаем. Действие — это постоянство. И постоянное совершенствование.

Не противоречит ли это совету Декарта — выбрать направление (даже наугад, если это необходимо) и никогда

от него не отклоняться «по ничтожному поводу»? Что лучше: принять окончательное решение и придерживаться его любой ценой — или постоянно переоценивать происходящее и менять курс по мере развития событий? Зависит от обстоятельств. В полной тьме, когда непонятно, куда идти, следуйте завету Декарта: выберите направление наугад, даже наобум, и придерживайтесь его. А если у вас есть хоть какое-то представление о ситуации, если вы, как опытный моряк, умеете считывать направление ветра, глядя на водную гладь, если вы можете делать прогнозы, опираясь на данные, — нужно делать то, что подсказывают вам эти данные. В качестве иллюстрации давайте вспомним удачный пример Алена, который мы уже разбирали выше (я еще назвал его «фигуральной оплеухой» из-за наглядности). Вот что он пишет далее: «Я понимаю, что хочу сказать, только когда открываю рот». Это противоречит всем нашим бытовым представлениям о правильном и неправильном, в том числе народной мудрости: «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (французы считают, что нужно семь раз повернуть язык во рту, прежде чем заговорить, чтобы случайно не сказать какую-нибудь глупость). Значит ли это, что мы вообще не должны обдумывать свои слова, пока не откроем рот, чтобы их выпустить? Не совсем. Но ведь разговор — это тоже приключение. Приключение, в котором мы постоянно участвуем. Когда человек начинает говорить, он не всегда точно знает, что сейчас скажет. И это не изъян: так устроена устная речь. Для этого она нам и нужна: научить нас нашим же мыслям, сделав их реальными и, следовательно, осязаемыми,

перенаправляемыми, изменяемыми. Такими, как все, что существует в реальности.

Парадокс заключается вот в чем: нельзя слишком много думать о том, что хочешь произнести, если нужно, чтобы вышло хорошо. Тот, кто долго колеблется, что и как сказать, не найдет нужные слова — именно потому, что ищет их. Мысль встает на пути у слова. Верно и обратное: люди, уделяющие недостаточно внимания тому, что они говорят, рискуют увлечься звучанием собственной речи в ущерб смыслу слов. В разговоре важно избавиться от напряжения и себя, и речь с ее свободным ритмом, но в то же время ненавязчиво направлять поток слов. Речь должна литься. И единственный способ узнать, что мы собираемся сказать, — сказать это. Даже когда нам кажется, что мы уже это знаем, по-настоящему все определится только в момент речи. Мы с беззаботностью лунатика или канатоходца оказываемся на тропе между намерением и смыслом. Хрупкий баланс, который нам придется поддерживать.

Вы когда-нибудь замечали, как действует актер Эдуар Бер? Выступает ли он на церемонии открытия Каннского кинофестиваля, ведет ли культовую передачу на радио — он всегда производит впечатление импровизатора. Как джазмен, если хотите. И неважно, говорит он по бумажке или нет. Именно поэтому мы слушаем его, следим за ним с удовольствием, восхищением и даже некоторым страхом. А вдруг он запнется, договаривая фразу? А вдруг чары развеются?

Успешная импровизация — это сон наяву, и, как ни парадоксально, нельзя слишком заикливаться на идее,

которую мы хотим выразить. Нужно быть осторожным в словах. Но осторожность — это не страх: бояться дети, которым велят сначала думать, а потом говорить, бояться мафиози, над которыми, как дамоклов меч, висит омерта — кодекс молчания. Это благородная осторожность: осторожность канатоходца, который продвигается по тросу без лишних раздумий, чтобы не упасть. Даже если ритм речи влечет вас за собой, важно ему не поддаваться. Говорить — оседлать волну слов, которая накатывает, несет нас вперед, но в то же время угрожает поглотить. Речь политиков французы называют *langue de bois* — «деревянным языком»: она тяжеловесная, негибкая, безжизненная. Герои живого слова, напротив, покоряют волну на самой легкой доске. Наше внимание во время разговора направлено не на то, что уже существует, а на реальность, которая образуется с каждым шагом (каждым словом): мы — ее первые свидетели. Смысл понятен: если бы мы начинали говорить лишь тогда, когда составили в голове готовую фразу, то сидели бы молча.

Что ж, в жизни все то же самое. К жизни нельзя подготовиться. Разминку придется пропустить. Следите за своим настроением. Если вы научитесь приступать к делу без страховки с гордо поднятой головой, то научитесь жить так же, как учатся кататься на велосипеде или ездить на лошади, — положившись на побудительную силу, источник которой — сама жизнь. Да, вы будете постоянно удивляться. Какими будут сюрпризы — приятными или не очень? Ничто не происходит именно так, как было задумано. Никогда нельзя полностью

к чему-то подготовиться и полностью все распланировать. Чем дольше вы колеблетесь, тем сложнее будет действовать. Не дожидайтесь абсолютной уверенности. Каким окажется будущее? Чтобы это узнать, надо шагнуть в него.

* * *

Давайте вспомним о Филиппе Пети и вернемся в 7 августа 1974 г. В тот момент, как лифтовой механизм приходит в движение, Жан-Франсуа передает приятелю балансир. У Филиппа есть всего минута, чтобы решить, пойдет он по канату или нет, невзирая на усталость и страх.

Внезапно воздух теряет плотность. Жана-Франсуа для меня больше нет.

Башня напротив пуста.

Колесо подъемника больше не вращается. Горизонт словно подвешен — с востока на запад.

Нью-Йорк уже не уходит в бесконечность. Городской шум не слышнее, чем вой ветра, — но и его порывы, его силу я больше не чувствую.

Я подхожу к краю. Я перешагиваю через металлическую балку.

Я ставлю левую ногу на трос.

Правой ногой я по-прежнему опираюсь на башню.

Я все еще принадлежу к материальному миру.

Как только я начну переносить вес тела влево, правая нога освободится и ступня двинется навстречу тросу.

С одной стороны — башня, массивная, надежная, как горный хребет. Привычная для меня жизнь.

С другой — мир облаков: он настолько исполнен неизвестности, что кажется пустым. Слишком много пространства.

Между башней и облаками — тоненькая нить, и все мое существо, колеблясь, пытается распределить оставшиеся крохи сил.

В голове — ни одной мысли. Слишком много пространства. Под ногами — проволока. Больше ничего.

<...>

Наружу рвется крик, возникает дикое желание сбегать.

Но уже слишком поздно. Канат готов.

Трос словно проходит через сердце, и каждый его стук разносится эхом в пространстве — эхом, которое отбрасывает в небытие любую мысль.

Я решительно ставлю вторую ногу на канат.

<...>

Пытаясь преодолеть потрясение и страх, насколько же сильный, насколько и внезапный, я... да, я испытываю великую радость и гордость: я удерживаю баланс на высоте. С легкостью⁵.